

УДК 347.214.13

О ЗАЩИТЕ ПРАВ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ (МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ)

Р.В. Чикулаев,

кандидат юридических наук,

кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры предпринимательского права,

гражданского и арбитражного процесса

ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»,

доцент кафедры организации аграрного производства

ФГБОУ ВО «Пермский государственный аграрно-технологический университет им. академика Д.Н. Прянишникова»

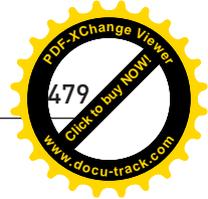
614990, Россия. Пермь, ул. Букирева, 15.

614990, Россия. Пермь, ул. Петропавловская, 23.

E-mail: profur1@ngs.ru

Аннотация: предпринята попытка сформулировать некоторые концептуальные положения, касающиеся защиты прав участников гражданского оборота финансовых инструментов. Сообразно конструкции финансового инструмента выделяются особенности защиты прав владельцев ценных бумаг и правообладателей производных финансовых инструментов. Развивается мысль о необходимости упорядочения классификации финансовых инструментов и доктринального развития категории финансового инструмента как основы для выработки единого режима защиты интересов правообладателей.

Ключевые слова: финансовые инструменты, ценные бумаги, производные финансовые инструменты, защита прав, охранительное отношение, процессуальные нормы.

ику. в Р.В.

ABOUT PROTECTION OF THE RIGHTS OF OWNERS OF FINANCIAL INSTRUMENTS (SUBSTANTIVE LAW AND PROCEDURAL LAW ASPECTS)

R.V. Chikulaev

Perm State University

Perm State Agro-Technological University

15, Bukireva st., Russia, Perm, 614990

23, Petropavlovskaya St., Russia, Perm, 614990

E-mail: profur1@ngs.ru

Annotation: An attempt is made to formulate some conceptual provisions concerning the protection of the rights of participants in the financial instruments civil turnover. According to the financial instrument construction, the features of protection of the rights of securities owners and derivative financial instruments holders are highlighted. The idea of the need to streamline the classification of financial instruments and the doctrinal development of the category of financial instrument as a basis for the development of a uniform regime to protect the interests of rights holders.

Key words: financial instruments, securities, derivative financial instruments, protection of rights, protective relations, procedural rules.

Современная проблематика правового регулирования оборота финансовых инструментов, включая ценные бумаги, а также финансовых рынков в целом многообразна. В то же время было бы неправильным не учитывать основные функции права как общие ориентиры, указывающие генеральные пути научных исследований, построения новых правовых конструкций и формирования эффективных механизмов правового регулирования соответствующей группы общественно-экономических отношений и процессов. Мы исходим из комплексного подхода к характеристике права как категории хотя и в достаточной степени умозрительной (что характерно для большинства доктринальных категорий), но все же имеющей непреходящее значение для повседневной жизни общества, а потому конкретизируемой в ее многочисленных проявлениях в более частных случаях. Когда право становится основой для формирования конкретных норм, регулирующих соответствующие отношения (собственно позитивное право), оно начинает исполнять роль объективированного регулятора – субъекта, соответственно воздействующего на объекты регулирования: отношения, процессы, процедуры, концепции, подходы, политику. Как видно, мы исходим из расширительного толкования объекта правового регу-

ования, объемом которого охватываются не только общественные отношения в традиционном значении связи между лицами-участниками, но и более широкие явления социального свойства, характерные для усложняющегося современного социума.

Допуская также и многообразие функций права, мы придерживаемся более традиционного подхода к определению главных инструментальных юридических функций права, выделяя в их числе главным образом регулятивную и охранительную функции. С.С. Алексеев выделял динамическую (обязывание) и статическую (дозволения и запреты) функции права¹, которые, по нашему мнению, можно отнести к проявлениям не только общеюридической регулятивной функции², но также и не менее важной, хотя и имеющей несколько производный характер охранительной функции. Именно функция охраны законных прав лица – гражданина, организации, публичного образования – зачастую выходит на первое место в современных условиях, когда появляются все новые угрозы нарушения таких прав на фоне развития компьютеризации, усложнения технологий, появления новых разновидностей финансовых инструментов и обострения криминогенной обстановки в отдельных сегментах финансового рынка.

Само понятие «защита прав владельцев» стало устойчивым в юридической лексике, в том числе в доктринальных и правоприменительных текстах, со времени принятия основных законодательных актов в начале 1990-х гг. и применяется, как правило, по отношению к ценным бумагам. Может быть поставлен вопрос относительно того, в связи с чем защита прав владельцев ценных бумаг выделяется и отделяется от защиты прав владельцев иного имущества, в том числе недвижимости, движимых вещей, обладателей прочих имущественных прав? Предположительно, такая ситуация объясняется историческими особенностями развития законодательства о ценных бумагах, в том числе пониманием того объективного факта, что ценные бумаги являются особым объектом гражданских прав и требуют особых механизмов обеспечения прав владельцев, а равно и иных взаимосвязанных участников гражданского оборота. Также можно говорить не только об укоренении металексического понятия «защита прав владельцев ценных бумаг», но и о постепенном формировании к настоящему времени обособленного одноименного правового института, включающего однородные (в той или иной степени) нормы,

¹ Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 216–217.

² Так, Л.А. Морозова рассматривает динамическую и статическую функцию права в работе С.С. Алексеева как относящуюся скорее к специальной регулятивной функции. См.: Л.А. Морозова. Теория государства и права: Учебник. М.: ЭКСМО, 2010. С. 147–149.

ику. в Р.В.

рассматривающие особые механизмы охраны прав, удостоверенных ценными бумагами.

К числу главных причин формирования соответствующих понятия и институционального нормообразования можно отнести, в частности: специальный порядок учета и регистрации владельцев ценных бумаг, а также перехода прав на них; существенные особенности закрепления прав владельцев и обязательств лиц, выдавших ценные бумаги в бездокументарной форме; специальный порядок выпуска и обращения эмиссионных ценных бумаг; специально-правовое регулирование корпоративных отношений, отражающихся при выпуске ценных бумаг; проявившуюся практически с момента принятия первых законов о ценных бумагах конкуренцию процессуально-правовых методов судебной защиты (виндикация, реституция, кондикция), довольно четко выраженное формирование особенной «отрасли законодательства», представленной как законами, так и подзаконными актами специфического содержания, принятыми на разных временных этапах органами регулирования финансовых рынков (ФКЦБ России, ФСФР России, Банк России).

Защита гражданских прав может рассматриваться также и как теоретическая категория, совокупность доктринальных положений, неоднократно обращавших на себя внимание авторов цивилистических исследований. Так, О.С. Иоффе различал охрану собственности как отношение и защиту прав собственников как совокупность юридических средств¹. В.П. Грибанов отмечал слабую степень исследованности самой проблемы, группы отношений, которую можно обозначить как «защита гражданских прав», в целом связывая защиту прав с их реализацией носителем-субъектом². М.А. Гурвич придавал приоритетное значение в охранительном гражданском отношении скорее не материальным, а процессуальным нормам³. Отдельным аспектам защиты гражданских прав посвящены труды других исследователей. Так, Б.С. Монгуш концентрирует внимание на гражданско-правовых средствах защиты, подразделяя их на средства защиты имущественных и неимущественных прав (материальных и нематериальных благ соответственно)⁴. В свою очередь, А.И. Базилевич концентрирует

¹ Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 471 и далее.

² См., напр.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000.

³ Гурвич М.А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ. Т. 3. М., 1965. С. 85–88.

⁴ Монгуш Б.С. Средства защиты гражданских прав: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.

вание на формах защиты субъективных прав участников гражданского оборота, выделяя в качестве ведущих юрисдикционные и неюрисдикционные формы защиты. По нашему мнению, такой подход заслуживает внимания при условии, что под юрисдикционным характером защитного гражданского отношения следует понимать в первую очередь юридико-процедурные действия, т.е., по существу, судебные разбирательства, направленные на восстановление нарушенных прав в порядке, установленном не столько материальным, сколько процессуальным законом¹. Сквозь призму особого рода отношений рассматривает охрану гражданских прав Д.Н. Кархалев, очевидно включая элемент защиты прав в состав охранительного отношения, выделяя специальный состав субъектов и особого рода объекты такого отношения, классифицируя его на суботношения (восстановительные, штрафные, оперативные, пресекательные)².

По нашему мнению, защита гражданских прав применительно к субъектам – носителям таких прав, прежде всего владельцам ценных бумаг и иного имущества, может рассматриваться как группа особого рода отношений, основанных на применении специальных юридических средств, закрепленных в материальном и процессуальном праве, обеспечивающих постоянную охрану и юридическую гарантию устойчивости повседневного владения имуществом (статический аспект), а также ситуативную защиту в случае нарушения владельческих прав или возникновения реальной угрозы такого нарушения, включая восстановление утраченного права (динамический аспект). Тем самым, развивая взгляд С.С. Алексеева на функции права, полагаем верным выделять статический и динамический аспекты не только в регулятивной, но также и в охранительной правовой функции, причем в конкретных ситуациях развития правоотношения такие функции могут взаимно пересекаться. Заслуживают особого внимания концептуальные подходы относительно системы российского обязательственного права в условиях его реформирования, высказанные В.Г. Голубцовым, которые мы рассматриваем как подтверждение мысли о защитно-охранительном значении гражданско-правового обязательства³.

Коренные изменения в регламентации правового режима ценных бумаг имели место с принятием Федерального закона от 2 июля 2013 г.

¹ *Базилевич А.И.* Формы защиты субъективных гражданских прав: Дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001.

² *Кархалев Д.Н.* Концепция охранительного гражданского отношения: Дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

³ *Голубцов В.Г.* Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений // Вестник Пермск. ун-та. Юрид. науки. 2018. № 3(41). С. 396–419.

ику. в Р.В.

42-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Так, в составе объектов гражданских прав, предусмотренных ст. 128 ГК РФ, были выделены вещи, включая документарные ценные бумаги, а также имущественные права, включая бездокументарные ценные бумаги. В свою очередь, Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» к числу имущественных прав были отнесены также цифровые права, что еще более существенно скорректировало понятие как самих имущественных прав, так и включаемых в их состав объектов, все более отчетливо приобретающих очертания особой группы бестелесных прав-объектов, которые можно именовать финансовыми инструментами. Соответственно, изменяются и традиционные подходы к защите прав владельцев таких объектов, объективируется разделение средств защиты прав владельцев вещей (документарных ценных бумаг) и обладателей иных имущественных прав (бездокументарных ценных бумаг, цифровых прав, в конечном счете — финансовых инструментов). Имеющая системный характер норма ст. 128 ГК РФ логически конкретизируется в иных соподчиненных ей нормах, устанавливающих правовой режим отдельных соответствующих объектов. Так, изменения, внесенные Законом от 2013 г., обусловили обновленный характер всей группы норм о ценных бумагах (гл. 7 ГК РФ), а законодательные изменения от 2019 г. ввели новую правовую конструкцию цифровых прав (ст. 141.1 ГК РФ). Здесь же считаем нужным заметить, что сформулированная в упомянутой новелле ст. 141.1 ГК РФ конструкция цифровых прав по своему определению не только максимально приближается к конструкции бездокументарных ценных бумаг, но с формально-логических позиций объемно входит в состав определения бездокументарных ценных бумаг, фактически совпадая с ним. Тем самым наблюдается некоторая коллизия, разрешение которой усматривается в формировании концептуального подхода к определению общего понятия финансового инструмента, требующего выработки соответствующих способов защиты прав своего владельца (правообладателя).

Действительно, проблема легализации особого объекта гражданских прав, включающего как традиционные ценные бумаги, так и постоянно появляющиеся новые бестелесные объекты (цифровые, бездокументарные, электронные), была с той или иной степенью успеха решена законодателем путем введения в 2009 г. принципиально нового понятия «финансовый инструмент», закрепленного в ст. 2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и являющегося родовым по отноше-

о к понятиям как ценной бумаги, так и производного финансового инструмента, составляющих и исчерпывающих объем родового понятия¹. Вместе с тем к настоящему моменту нормы закона о финансовом инструменте пока не дополнены дефиницией цифровых прав, уже закрепленных в ГК РФ. В свою очередь, нормы ГК РФ об объектах гражданских прав также не содержат ни дефиниции, ни даже указания на такой объект, как финансовый инструмент, несмотря на его легальное закрепление в ином федеральном законе. Такое положение вещей приводит к рассогласованности правовых конструкций объектов прав, затруднениям в выработке если не единого режима финансового инструмента, включающего документарные и бездокументарные ценные бумаги, а также производные финансовые инструменты и цифровые права, то как минимум в применении единообразных юридических подходов к регулированию оборота и защите прав владельцев таких объектов.

Таким образом, вопрос о формировании единого правового режима комплексной категории финансового инструмента видится важной теоретической задачей, которой корреспондирует целый ряд сопутствующих подзадач, включая выработку специальных юридических средств защиты правообладателей либо адаптацию уже имеющихся методов правовой охраны для всего субъектного состава владельцев финансовых инструментов. Объективно это будет означать модификацию традиционного института защиты прав владельцев ценных бумаг в новый институт, условно обозначаемый как «защита прав владельцев финансовых инструментов». Однако при этом вновь проявляется проблема отсутствия единой доктринальной концепции финансового инструмента и его нормативного закрепления в ГК РФ в составе объектов гражданских прав. Имеющиеся в цивилистической науке точки зрения об отсутствии реальной потребности в легализации финансового инструмента как объекта именно в гражданском законодательстве заслуживают безусловного внимания. Такие позиции основаны на предпосылке разделения законодательства на акты, устанавливающие базовые нормы о ценных бумагах (прежде всего ГК РФ) и на акты комплексного, в том числе публично-правового, регулирования финансовых рынков, включая эмиссию ценных бумаг, деятельность профессиональных участников рынка ценных бумаг и т.п. Сочетание частного и публичного элемента можно признать имманентным атрибутивным признаком правового регулирования оборота финансовых

¹ См. подробнее: *Чиклаев Р.В.* Развитие категории «финансовый инструмент» в праве и законодательстве России // Восьмой Пермский конгресс ученых юристов: Сб. науч. ст. Пермь, 2017. С. 214.

ику. в Р.В.

инструментов в силу значительной специфики объекта регулирования. Вместе с тем нельзя не учитывать, что и ГК РФ, и иные федеральные законы, в том числе Федеральный закон «О рынке ценных бумаг», являются актами одного уровня правового регулирования, ввиду чего легально закрепленная дефиниция финансового инструмента объективно присутствует во всех отношениях, регулируемых нормами ГК РФ.

Справедливо и обратное: нормы ГК РФ о ценных бумагах не могут рассматриваться в отрыве от норм законодательства о рынке ценных бумаг, в том числе норм о финансовых инструментах. Иное будет означать применение различных правовых режимов для ценных бумаг в зависимости от того, рассматриваются они с позиций объектов, закрепленных в ГК РФ (ст. 128, 124–149), или в иных федеральных законах («О рынке ценных бумаг», «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг», «О Центральном Банке (Банке России)», «Об ипотечных ценных бумагах», «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг» и др.). Сказанное приводит к выводу о том, что формирование концепции защиты прав владельцев финансовых инструментов невозможно без достижения определенности в доктринальном и полноценном легальном отнесении финансового инструмента к числу объектов гражданских прав, а также будет зависеть от дальнейшего развития многообразий и видовой классификации финансовых инструментов.

В отмеченном аспекте составляет проблему правовой режим производного финансового инструмента, служащего необходимым элементом общей конструкции финансового инструмента. Понятие производного финансового инструмента легально закреплено также в ст. 2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и представляет собой ситуативно модифицируемую в зависимости от конкретных обстоятельств конструкцию договора, выражающего сделку под условием. Несмотря на то что норма Федерального закона предусматривает три разновидности такого договора, закон отсылочным способом допускает дальнейшую модификацию конструкции финансового инструмента через установление его видового многообразия подзаконным актом. На сегодняшний день таковым актом выступает указание Банка России от 16 февраля 2015 г. № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов», которое дополнительно устанавливает такие разновидности договоров-инструментов, как опционный, фьючерсный,

¹ См., напр.: *Чукулаев Р.В.* Сочетание частноправовых и публично-правовых начал в регулировании оборота ценных бумаг в современных условиях // *Гражданское право.* 2014. № 3. С. 12–17.

львардный, своп-договор (поставочный и расчетный), но, помимо этого, допускает существование смешанных и специально непоименованных финансовых инструментов.

Подобного рода многообразие вносит свой вклад в общую неопределенность конструкции финансового инструмента, включая вопрос защиты прав субъекта — участника соответствующих отношений. Не исключая необходимости предоставления специальных, в том числе нормативно значимых полномочий Банку России по регулированию оборота производных инструментов, мы все же склонны рассматривать как благо закрепление видового состава производных финансовых инструментов в федеральном законе (принцип легалитета). Эта мысль подтверждается также и тем, что классификация производных финансовых инструментов как части целого понятия финансового инструмента именно на «виды» вступает в некоторое противоречие с классификацией ценных бумаг, также являющихся частью общего понятия финансового инструмента, на три главных вида (предъявительские, именные, ордерные), что прямо следует из нормы ст. 143 ГК РФ.

Имеет право на существование также идея возврата к концепции производной ценной бумаги как традиционного, классического института — дериватива, который пока вообще не воспринят позитивным правом. Меж тем действующее российское законодательство предусматривает как минимум несколько разновидностей ценных бумаг, которые можно признать производными, постольку-поскольку они имеют своей основой другие (первичные) ценные бумаги. К таким ценным бумагам можно отнести опцион эмитента и российскую депозитарную расписку. Не исключается, но с большой вероятностью прогнозируется расширение состава производных ценных бумаг, в том числе появление новых, ранее неизвестных разновидностей, основанных на корпоративных, биржевых инструментах, конгломерации опциона и опционного договора. Известно о разработке проектов федерального закона «О производных финансовых инструментах»¹, однако к настоящему моменту такие проекты дальнейшего развития и обсуждения в законодательных органах не получили, приоритет в регулировании остается за Банком России.

Вышесказанное приводит к выводу о том, что институт защиты правообладателей финансовых инструментов, включая ценные бумаги, может формироваться лишь при условии достижения определенности в правовой конструкции финансового инструмента, упорядочения классификации как ценных бумаг, так и производных финансовых

¹ Проект федерального закона «О производных финансовых инструментах» // <http://docs.cntd.ru/document/901929980> (дата обращения: 28.09.2019).

ику в Р.В.

инструментов, серьезной ревизии правового режима инструментов деривативов. Одним из направлений развития законодательства и правовой мысли должно стать достижение определенности в вопросе характеристики производного финансового инструмента, а именно: будет ли сохраняться его дефиниция и конструкция именно как договора (при этом чрезвычайно специфической природы), либо будет принято непростое решение придать этому инструменту характер оборотоспособного информационно-цифрового финансового продукта, хотя и имеющего в себе некоторые признаки договора, но при этом способного быть объектом сделок и гражданского оборота. Современная «договорная» конструкция производного финансового инструмента не свободна от дефектов, поскольку с необходимостью приводит либо к парадоксу оборотоспособного договора (а отечественному правопорядку такая конструкция в целом чужда), либо заставляет каждый раз при попытке достижения правовой определенности в любом регулируемом отношении верифицировать регулятивное воздействие «с оглядкой» на то, не будет ли это противоречить договороподобной конструкции производного инструмента. Отсюда следует обратная зависимость эффективности правоохранительного отношения от степени усложнения отношения регулятивного. Несмотря на общую правовую цель, регулятивная и охранительная правовые функции не всегда действуют согласованно и прямо пропорционально друг другу. Известна проблема «зарегулированности», когда охрана права не упрощается, а затрудняется.

Правоприменительная практика, относимая к проблемам защиты правообладателей финансовых инструментов, не может пока быть охарактеризована как устойчивая. Так, в силу крайне широкого круга спорных отношений в части ценных бумаг большинство судебных споров, в которых так или иначе затронуты ценные бумаги, можно отнести к спорам о защите прав их владельцев. Понятно, что общее число таких споров в судебных картотеках исчисляется сотнями тысяч. Тенденции с начала 1990-х гг. до настоящего времени указывают на длительную историю конкуренции виндикационных и реституционных методов с некоторым преобладанием последних, а также на начало формирования практики применения специальных мер, предусмотренных гл. 7 ГК РФ в редакции от 2013 г. Что касается производных финансовых инструментов, то развитие правоприменительных позиций шло по пути от признания таких инструментов играми и пари с последующим отказом в правовой защите до активного применения различных норм законодательства, в том числе не вполне относимых, к любым сделкам, прямо или опосредованно связанным с производными инструментами.

Так, Постановлением Президиума Высшего Арбитражного суда от 8 июня 1999 г. № 5347/98 было отказано в защите прав стороны по сделке, существо которой было сходно с форвардным договором ввиду квалификации такой сделки, как сделки игры (пари). Позднее такая правовая позиция была растражирована судами в отношении иных споров с подобным содержанием. Однако Конституционный Суд РФ сформулировал иное мнение в Определении от 16 декабря 2002 г. № 282-О по жалобе АКБ «Сосьете Женераль», указав на возможность применения к сделкам с расчетными инструментами (форвардными, а в широком смысле и иными) общих норм гражданского законодательства о сделках и обязательствах. В 2007 г. была введена ч. 2 п. 2 ст. 1062 ГК РФ, а сама указанная норма существенно модифицирована в 2014 г., в целом обеспечив соответствие с нормами Федерального закона «О рынке ценных бумаг» путем исключения применения гл. 58 ГК РФ к сделкам, квалифицируемым как договоры – производные финансовые инструменты.

Современная судебная практика склоняется к положительному разрешению вопроса о возможности защиты прав граждан, осуществлявших сделки с производными инструментами даже в случаях нарушения как истцами, так и иными лицами (агентами, представителями, управляющими и др.) некоторых правил совершения таких сделок. На это, в частности, указывают решение Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 26 января 2015 г. № 2-11204/2014, кассационное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 31 января 2011 г., решение Бутырского районного суда г. Москвы от 28 января 2014 г. № 2-471/2014, постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 1 декабря 2011 г. № 40-40103/08-132-343.

В свою очередь, определениями Верховного Суда РФ от 9 июня 2015 г. № 11-КГ15-12, от 23 мая 2017 г. № 24-КГ17-3 и др. подтверждена позиция о неприменении законодательства о защите прав потребителей к деятельности по совершению гражданско-правовых сделок с ценными бумагами и (или) по заключению договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, ввиду рискованного характера такого рода деятельности и сделок.

В целом действующая система охраны правообладателей финансовых инструментов, к числу которых можно отнести две основные группы субъектов (первая – владельцы ценных бумаг, вторая – стороны производных финансовых инструментов), строится на базовых принципах, вытекающих из норм гл. 7 ГК РФ. Такие принципы можно классифицировать по различным основаниям:

1. Постоянная (статическая) охрана в течение срока владения финансовым инструментом, включающая в себя:

ику) в Р.В.

- а) установление базовых элементов конструкции ценной бумаги;
- б) государственную регистрацию выпуска или выдачи ценных бумаг в установленных случаях;
- в) возможность легального запрета или ограничения выпуска или выдачи определенных ценных бумаг;
- г) специальные правила передачи ценных бумаг и перехода удостоверенных ими прав с корреспондирующими обязательствами в зависимости от вида документарной ценной бумаги, включая правила вручения (ценные бумаги на предъявителя), именной передаточной надписи или цессии (именные ценные бумаги), индоссамента и его разновидностей (ордерные ценные бумаги, с учетом особой системообразующей роли вексельных правил);
- д) особые правила учета, перехода и осуществления прав по бездокументарным ценным бумагам;
- е) специальные требования к форме и реквизитам документарных ценных бумаг;
- ж) особые режимы хранения, обременения и обездвижения ценных бумаг;
- з) порядок исполнения по ценным бумагам.

2. Ситуативная (динамическая) защита интересов правообладателя в случаях их нарушения:

- а) восстановление прав по утраченным документарным ценным бумагам в зависимости от вида: вызывное производство (ценные бумаги на предъявителя, ордерные ценные бумаги), исковое производство с предварительным претензионным порядком заявления о требованиях к правообязанным лицам (ордерные ценные бумаги), особое производство по делам об установлении юридически значимого факта (именные ценные бумаги);
- б) особенности истребования документарных ценных бумаг от добросовестного приобретателя;
- в) специальный порядок применения гражданско-правовой ответственности за недействительность прав, удостоверенных документарными ценными бумагами, а также возражений по таким ценным бумагам;
- г) особый порядок истребования бездокументарных ценных бумаг, в том числе в случае их конвертации, а также требования равного количества ценных бумаг, приобретаемых на организованных торгах, включая сопутствующие расходы;
- д) возможность оспаривания решений собраний акционерных обществ, принятых на основании неправомерно выбывших из владения правообладателя бездокументарных ценных бумаг;

е) специальные правила при восстановлении учетных записей удостоверяющих права на бездокументарные ценные бумаги.

В отношении производных финансовых инструментов защита прав правообладателя в современных условиях может рассматриваться как вариация общих правил защиты прав по неисполненным договорным обязательствам, но по мере сближения правовых конструкций ценной бумаги и производного финансового инструмента в качестве генеральной тенденции можно прогнозировать формирование единых норм о владельческой защите стороны – обладателя финансового инструмента.

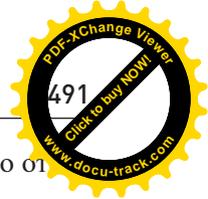
Методы правовой защиты участников гражданского оборота финансовых инструментов могут быть также классифицированы по иным основаниям на судебные и внесудебные (включающие административные и самозащитные), на материально-правовые и процессуально-правовые, на обязывающие, восстановительные и компенсационные, на виндикационные, реституционные и кондикционные, на правопо-рождающие и правопрекращающие, на дозволятельные, обязывающие и пресекательные. Отдельный вопрос, требующий особого изучения, составляет некоторая конкуренция и правовая неопределенность системы норм гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства в части защиты прав владельцев ценных бумаг, в том числе по корпоративным спорам. Одним из направлений решения такого рода коллизий видится достижение определенности в части судебной компетенции, с возможным выделением самостоятельной категории споров, вытекающих из оборота финансовых инструментов, в случае принятия единого процессуального закона (кодекса).

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
2. *Базилевич А.И.* Формы защиты субъективных гражданских прав: Дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. 205 с.
3. *Голубцов В.Г.* Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений // Вестник Пермск. ун-та. Юрид. науки. 2018. № 3 (41). С. 396–419.
4. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с.
5. *Гурвич М.А.* Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ. Т. 3. М., 1965. С. 62–117.
6. *Иоффе О.С.* Советское гражданское право. М.: Юрид. лит., 1967. 494 с.

ику) в Р.В.

7. *Кархалев Д.Н.* Концепция охранительного гражданского отпечения: Дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 46 с.
8. *Монгуш Б.С.* Средства защиты гражданских прав: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 26 с.
9. *Морозова Л.А.* Теория государства и права: Учебник. М.: ЭКСМО, 2010. 510 с.
10. *Чикулаев Р.В.* Развитие категории «финансовый инструмент» в праве и законодательстве России // Восьмой Пермский конгресс ученых юристов: Сб. науч. ст. Пермь, 2017. С. 214–218.
11. *Чикулаев Р.В.* Сочетание частноправовых и публично-правовых начал в регулировании оборота ценных бумаг в современных условиях // Гражданское право. 2014. № 3. С. 12–17.

ПЕРМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ЕЖЕГОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

~ 2020. Выпуск 3 ~

Подписано в печать 22.06.2020. Выход в свет 29.06.2020.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.

Усл. печ. л. 42. Тираж 217 экз.

Заказ №

Распространяется по свободной цене